

Е. М. ЮХИМЕНКО

Дни тезоименитства выговских наставников

Как каждая древнерусская обитель, Выговская старообрядческая пустынь чтит своих наставников. Торжественное празднование дней их тезоименитства — лишь одна из форм этого почитания. Однако известные ранее источники были столь немногочисленны,¹ что не позволяли не только конкретно охарактеризовать данную сторону внутренней жизни пустыни, но даже говорить о сколь-либо прочной традиции подобного празднования. Выявленный в последнее время материал (в составе выговских рукописей нам удалось обнаружить еще 26 слов на тезоименитство наставников кино-вии) дает возможность достаточно полно восстановить картину бытования названной традиции на Выгу.

Хорошо известно, что панегирическое восхваление отдельных людей, снискавших себе славу делами или подвигами, стало неотъемлемой частью народных празднеств Древней Греции. В почитании своих наставников выговцы сознательно отталкивались от этой античной традиции («Красна бяху и зело сладостна у премудрых афинеов совершаемая начальствующим именотворительная торжества...», — начинал Семен Денисов одно из слов, посвященных брату Андрею.² В другом же он писал: «Не бо еллинския басни, не душевредныя кошуны <...> нашего христианскаго ликования позорище объявляет, но предивных небесных и спасительных красований всечюдная зрения показывает»³). Старообрядцы, по их собственным словам, следовали «древним предобрым обычаем» православных обителей.⁴

Новые источники позволяют утверждать, что день тезоименитства настоятеля⁵ отмечался всей пустынью, праздник был общим: все насельники

¹ В знаменитый указатель В. Г. Дружинина вошло лишь 5 слов на тезоименитство Андрея и Семена Денисовых (см. Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев СПб., 1912 С. 128, № 184, 185, 186, С. 159, № 106, С. 229, № 8) и несколько поздравительных вирш

² РГБ, Собр. Егорова (ф. 98), № 425, л. 8

³ Там же, л. 13 об.

⁴ Там же, № 682, л. 94 об. — 95

⁵ Андрей Денисов был наречен в честь Андрея Стратилата (19 августа), Семен Денисов — Симеона Столпника (24 мая), Даниил Викулин — пророка Даниила (17 декабря), Иван Филиппов — Иоанна Златоуста (30 января), Мануил Петров — мученика Мануила (17 июня), Даниил Матвеев — Даниила Столпника (11 декабря), Поликарп Яковлев — священомученика Поликарпа, епископа Смирнского (23 февраля), Федор Петров Бабушкин — Федора Стратилата (8 февраля). Некоторые выговские наставники при старообрядческом перекрещивании получили новые имена: Трифон Петров — в честь Иоанна Предтечи (24 июня), Никифор Семенов — нового мученика Иоанна (14 апреля), Гавриил Семенов — пророка Илии (20 июля), Алексей Тимофеев Киселев — пророка Иеремии (1 мая), Андрей Борисов — преподобного Федора Трихины (20 апреля), Кирилл Михайлов — евангелиста Матфея (16 ноября). По всей видимости, в ряде случаев дни тезоименитства при жизни отмечались и по первому крещению. Так дает основания полагать поздравительное слово Андрею Борисову, которым жители Чаженского скита приветствовали именинника: «Здравствуй, премилостивый отче, здравствуй в год новый,

«радовались сердцем» и «веселились духом».⁶ Так, Трифон Петров в поздравительной речи Семену Денисову отмечал, что день тезоименитства наставника «радость всеобщую нам сопринесе, веселие и ликование всебратственное сопривлече, стечение и совокупление всецерковное присовокупи, в онже все радуемся и веселимся, благодаряще Господа, яко здрава, благополучна и всеблагоизрядна в настоящий день представи».⁷ Тезоименитство, как упоминал Григорий Яковлев, праздновалось «с трезвонном, молебствованием крылошан и молением всенародным».⁸

Начиналось торжество со службы святому — небесному покровителю именинника. «Понеже настоящего ныне февраля 8-го числа, — писали лексинские насельники в своем поздравлении Федору Петрову Бабушкину в 1836 г., — настает светлооблистательное торжество великаго в мученицех Феодора Стратилата, сего ради спраздновахом ему во псалмех и песнях духовных, ныне же произшествия ради тезоименитства <...> милостивейшаго нашего государя Феодора Петровича во всерадостное торжество рождения его предстоящи сообщники удостоенныя здесь совокупно предстоят и видят ангелозрачное подобличие...».⁹

Далее следовал соборный молебен за здравие именинника.¹⁰ «Стецгытеса во общественныя молитвенныя храмы, принесите усердную молитву всевышнему Творцу, молящися за труды полагаемыя нашего предводителя, вопиюще за продолжительное здравие на множайшия лета усерднаго нашего пастыря, зывающе за благоустроение и окормление правительствующее всего выголексинскаго корабля».¹¹

Молебен за здравие именинника пелся не только в мужском Богоявленском общежительстве, но также в других часовнях и скитах суземка: «Вси же купно, стари и средовечни и болнични сироты, в молитвенных храмах с сердечным усердием глас песней всюду воспеваем...» (Слово на тезоименитство Ф. П. Бабушкина 7 февраля 1840 г.).¹² В поздравительном слове Андрею Борисову жители Чаженги писали: «Мы же ныне, в премножестве собрания своего годишнюю круготечность в настоящий день преминувше, вси слученія различных недовольностей, годом бывающих, отлагаем и велегласно радость премногую повсюду днесь возглашаем, вину бо и течение нашего веселия обретохом — отеческое твое дражайшее тезоименитство..».¹³

здравствуй, великомученику Андрею тезоименитый и нашему всепревозлюбленному киновиархови (имеется в виду Андрей Денисов — Е Ю) соименный Сих бо днесь сочетовающе память и, прилично оную совершивше, трегубную дня сего пресветлость приобретаем» (РГБ, собр Барсова, № 415 3, л 1 об) В то же время дни памяти, отмечавшиеся после смерти наставников, приходились (без исключений) на дни тезоименитства по второму, старообрядческому крещению (см., например, составленную на Выгу в начале XIX в роспись панихидам — РГБ, собр Барсова, № 932)

⁶ РГБ, собр Братства св Петра митрополита (ф 579), № 17, л 94

⁷ РНБ, О XVII 50, л 463 об

⁸ Яковлев Г Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово 1888 № 6 С 410

⁹ РГБ, собр Барсова (ф 17), № 434 5, л 1

¹⁰ Согласно выговскому уставу, молебен (главным образом празднуемому святому) пелся перед часами (см Круг вселетного богослужения Поморского Выгорецкого монастыря Саратов, 1913 Л 17 об —18, 19 Молебен «ради тезоименитства» в некоторых случаях мог петься и после вечери, указание на это находим в «Выговском летописце» под 1780 г., когда во время такого молебна в честь Семена Петрова упало и рассыпалось большое паникадило (Братское слово 1880 № 10 С 800)

¹¹ РГБ, собр Барсова, № 54, л 22 (Тимофей Андреев Поздравительное слово Андрею Борисову)

¹² БАН, архив В Г Дружинина (архив Ф П Бабушкина) Приношу искреннюю благодарность Н Ю Бубнову и Ф В Панченко за указание на документы этого архива и разрешение с ними ознакомиться

¹³ БАН, архив В Г Дружинина (архив Ф П Бабушкина), № 415 3, л 1

Так же в день тезоименитства настоятеля Архиппа Дементьевича собрались на молебен насельницы Лексинской обители. «В тезоименитство ваше совокупившися, — писали они имениннику, — всеобще мы, выголексинския сироты, всерадостне Господа нашего прославляем».¹⁴ Позднее, в XIX в. в праздновании именин Ф. П. Бабушкина участвовали и женщины: «Сего ради ныне мы, всепоследнии сироты лексенския ограды, притекше к вам, великому патеру, яко высокому покровителю сирот...»;¹⁵ или: «Дерзнувшие притещи пред праги светлейших ваших чертогов...».¹⁶

За молебном следовали поздравления: «...по таковом убо молитвоприношении <...> благодарность и поздравление тезоименитства возгласим всех честнейшему отцу».¹⁷ Поздравления общежителей начинались с зачитания и поднесения написанных по этому случаю слов и вириш. Сохранилось несколько подобных подносных листов, выполненных изящным поморским полууставом на отдельных листах размером в 1°, украшенных золотом, вишнетками и инициалами.¹⁸

После общих поздравлений, вполне возможно, шли частные. «Кто не подвижется всежелателно на радость, кто не притечет на всеусердное поздравление, кая уста не отверзутся на вседолжная благодарения вашему всемилостивому отечеству?»¹⁹ — за этими риторическими восклицаниями Семени Денисова в слове, написанном по случаю тезоименитства Андрея Денисова, можно увидеть и реальную картину общебратского праздника.

Вполне возможно, что после всех поздравлений именинник выступал с ответными словами благодарности, особо подчеркивая свое «убожество» и незаслуженность столь высоких похвал. Андрей Денисов, бывший в день своего тезоименитства в отъезде по делам пустыни, получил письменные поздравления и ответил на них «Посланием к приветствовавшим». «Что сотворю толикими предобръими одолжениями преизобилно мя одолжившим, толикими молитвенными обогащениями всебогатно одарившим мое поубожие (следовательно, соборные молебны за здравие именинника пелись и в его отсутствие. — *Е Ю*), тако всежелательными приветствиями поздравляющим мое недостоинство? — начинал свое послание Андрей Денисов. — <...> Что убо содею тако день непотребнаго нашего кругообращения многомолитвенно украшающим?».²⁰ Завершается письмо смиренным благодарением: «Прочее малыми простословии за краткочасие многосуетнаго времени краткими литеросложении благодарственная воспосылаю, малыми за великия, убогими за богатыя воздающе. Благодарствую прилежность молитвенаго тцания, еже покажете. Благодарствую всеусердное молеб приношение, еже сотвористе. Благодарствую всежелательная молитворуководствования, еже возносисте, яко день мой, аще смею моим нареши, молитвами украсисте, молеными просветисте, песнословии позлатисте и всеми лепотами ублаголепотствовасте, за что всеблагодарственными благодарениями всеблагодарственно благодарствую и, на предняя молитв и усердных богоприношений ваших желая, честному вашему и боголюбезному сочленению премножественно поклоняюся».²¹

¹⁴ РГБ, собр. Братства св. Петра митрополита, № 17 л. 52

¹⁵ РГБ, собр. Барсова, № 434 5, л. 1

¹⁶ БАН, архив В. Г. Дружинина (архив Ф. П. Бабушкина)

¹⁷ РГБ, собр. Барсова, № 54, л. 22—22 об.

¹⁸ Там же, № 388, л. 123—125 (Слово на тезоименитство Андрея Борисова от Софьи Даниловой, Евдокии Артемьевой «с прочими»), № 81 17 («Эпиграмма» Андрея Ивановича Крылова на день тезоименитства Андрея Борисова) В подносных экземплярах известно 5 слов Ф. П. Бабушкину Там же, № 434 5 (1836 г.), 1199, 931 2, а также 2 слова, хранящихся в архиве В. Г. Дружинина (БАН)

¹⁹ РГБ, собр. Егорова, № 682 л. 95

²⁰ Там же № 1954 л. 178 об.—179 (см. Дружинин В. Г. Писания С. 469)

²¹ РГБ, собр. Егорова, № 1954, л. 179—179 об.

Как явствует из сохранившегося выговского литературного наследия, жанр поздравительного слова был широко распространен на Выгу. Становление этой традиции следует отнести к 20-м гг. XVIII в., когда трудами первооснователей закладывались основы духовной жизни пустыни. Андрей Денисов, киновиярх этих лет, снискал исключительное внимание панегиристов: ему было посвящено 8 слов, 4 из которых принадлежат перу его брата Семена. Гораздо меньше сохранилось слов (по одному-два) с поздравлениями сподвижникам и ученикам Андрея — Даниилу Викулину, Семену Денисову, Трифону Петрову, Мануилу Петрову и Даниилу Матвееву. Тем не менее традиция вновь пышно расцвела при следующем поколении выговских наставников: сохранилось 5 слов, посвященных Андрею Борисову, и 6 — Ф. П. Бабушкину. Можно заметить, что в написании поздравительных панегириков подвизались многие выговские писатели: Андрей и Семен Денисовы, Трифон Петров, Даниил Матвеев, Василий Данилов Шапошников, Козма Иванов, Тимофей Андреев; известны также литературные опыты «лексинских сирот».

Из общего анализа произведений данного жанра очевидно, что традиция торжественного празднования дней тезоименитства наставников продолжала жить и питать творчество выговских писателей на протяжении всей истории пустыни. Эти торжества были своего рода официальными праздниками старообрядческого общежития. Как ранее церковью отмечались дни тезоименитства здравствующих царей и патриархов (в новообрядческой церкви это были так называемые «табельные дни»), так Выг приносил поздравления и молил Бога о здравии и долголетье своих наставников. Официальный характер выговских торжеств подтверждается также тем, что все поздравительные слова (не только датированные, но, судя по содержанию, и все остальные) обращены к выговским отцам именно в период их киновияршества. Не составляют исключения и панегирики Даниилу Викулину, Трифону Петрову и Даниилу Матвееву, которые в силу своего непрекаемого авторитета осуществляли духовное руководство пустыней.

Поздравительные слова, как и предписывалось учебниками риторики, состояли из трех традиционных частей. Во вступлении кратко излагалась «вина» «слова сего», заключение содержало пространное пожелание здоровья и благополучия. В основной части слова перечислялись добродетели настоятеля и его многочисленные заслуги перед общежитием. Как правило, в этой части слова, сильно формализованной, выговское «плетение словес» достигало наивысшей степени, хотя авторы слов непременно подчеркивали «убогость» своего сочинения: «Праздньственная, торжественная и ликовательная грубосложная немотования от убогих сокровищ вашему всебогатому учительству любезне приношаем», — писал Андрею Денисову не менее знаменитый на литературном поприще Семен Денисов.²²

Восхваление и прославление адресата предопределялось законами данного жанра, особенно популярного в литературе барокко. И все же можно заметить, что на Выгу наибольшего числа панегириков удостоились люди, более всего их заслужившие, — Андрей Денисов (годы киновияршества — 1702—1730), которому общежитие обязано своим становлением и расцветом, Андрей Борисов (1780—1791), возродивший традиции духовной жизни пустыни после некоторого их упадка, и Ф. П. Бабушкин (1830—1842), при котором Выг мужественно и терпеливо переносил удары судьбы, являвшиеся следствием правительственной политики «искоренения раскола».

Пышность похвалы, порою чрезмерная, оправдывалась высокими назидательными целями, стоявшими перед авторами поздравительных слов. Об

²² Там же № 425 л 9 об

этом прямо говорится в слове на тезоименитство Даниила Викулина: «Но, о отче честнейший и полезнейший, мы, твоя богохранимая паствы смиреннейшии овцы, твоего богоумудряемаго руководства покорнии раби, тебе, нашему пастырю, словесныя сия исплетаем хвалы, не яко тебе, кроткому, от нас таковых требующу (весть бо смиренномудрых нрав похвалных не искати), но понеже нам ведущим, каковая полезная от сих происходит и люди благонравныя на веселие и радость скланяют, по писанному у премудраго: „Похваленом бывающим праведным возвеселятся людие“. Сего ради сия тщимся приносить поздравления. Ты же не отрини, но усердно приими, якоже и Христос вдовыя две лепты».²³

В словах 20—30-х гг. XVIII в. за обширными панегириками уже проглядывает собирательный образ выговского наставника: «вселобезнейшего отца чадом», мужественного защитника древлего благочестия, устроителя церковного благочиния, учителя паствы, подающего пример добродетельной и целомудренной жизни. В потоке славословий почти нет места упоминанию реальных фактов, поэтому в произведениях данного жанра не приходится искать биографических сведений об адресатах. По той же причине невозможна и точная датировка большинства слов. Исключение составляет слово, поднесенное Андрею Денисову в 1728 или 1729 г., после сильнейших пожаров на Лексе и Коровьем дворе в мае 1727 г. По горящим следам событий Семен Денисов описывает неустанные труды киновиарха по ликвидации последствий пожаров.²⁴

В связи с чрезвычайной скудостью источников о деятельности последних выговских наставников некоторые поздравительные слова, им посвященные, могут представлять определенный интерес. Конкретные сведения об обширных знаниях и эрудиции Андрея Борисова содержатся в слове Тимофея Андреева, по словам которого, Андрей Борисов «украши свое всекрасное жителство якоже прочитанием глубочайших божественных писаний, тако последованием высочайших свободных наук. Коего не сокрышася грамматического правила, не потаися пиитическое словоплетение, не утече пространное риторическое позлащение. Не непричастен же и прочих многих учительных наставлений, якоже вещепознательныя всепремудрыя философии, такоже и глубокомысленныя и высокословныя феологии».²⁵ Неустанные труды на благо пустыни выговского наставника бывшего кузнеца Архиппа Дементьевича прославляли в поднесенном ему в 1808 г. поздравительном слове «выголексинские сироты»: «...вами сие богонаселенное отеческое место к шестидесяти и вящие летом украшается, вашими отеческими трудами, ово до пастырского вашего предводительства тяжкими вашими работами, ово же для братского пропитания отъездными придобытии и ово паче неограниченными трудопастырственными всебдителными потщаниями...».²⁶

Почти нет свидетельств того, как воспринимали выговские наставники произносимые в их честь славословия. Некоторый свет на это проливает обнаруженный в фонде Е. В. Барсова интереснейший документ — относящийся к концу 80-х гг. XVIII в. «Благодарное возответствие за произносимыя приветствия» Андрея Борисова.²⁷

²³ РГБ, собр. Барсова, № 145, л. 99.

²⁴ РГБ, собр. Егорова, № 682, л. 91—93.

²⁵ РГБ, собр. Барсова, № 54, л. 22.

²⁶ РГБ, собр. Братства св. Петра митрополита, № 17, л. 51 об.

²⁷ РГБ, собр. Барсова, № 434.7, 1^о, 2 л. Текст, содержащий правку самого автора, переписан рукой одной из ближайших его сотрудниц, скрывающейся под инициалами Е. А. (см. ее письмо к Андрею Борисову 1788 г. — РГБ, собр. Братства св. Петра митрополита, № 17, л. 1—2). Этим же почерком переписано еще одно сочинение Андрея Борисова (РГБ, собр. Барсова № 81 16).

«Весма должно бы мне в сие время, — обращался выговский наставник к поздравляющей его пастве, — или отсюль отлучиться, или, пребывши здесь, заткнуть воском от похвал ваших ушеси мои и сомжить очи мои от сияющагося во оных злата вашего, ибо происходимой случай не соответствует нисколько ни делам, ни словесам, ни помышлениям моим. И естли б я не уверен был в истинной простоте вашей, то б совершенно все производимое от вас в похвалу ныне мне по вас зачел за сущую риторскую иронию, то есть за ласкательное ми ваше посмеяние».²⁸ Андрей Борисов призывает возносить «всю честь и славу» не ему, грешному человеку, но Богу, благодаря помощи которого Выг в прямом смысле восстает из пепла (после страшных пожаров лета 1787 г.). К Богу же обращается и сам настоятель с просьбой «собластини» его «в час сей от <...> пустаго тщеславия и гордостнаго безумия» и простить «произносящим же в простоте сердечной мне, смертному, излишняя сии похвалы».²⁹

В то же время Андрей Борисов как настоятель испытывал радость и благодарность своей пастве: «...зря ваше благоговейное предстояние и учтливое ми общее ваше приветствие, умилиюсь духовно и радуюсь душевно, что не втуне аз посильныя мои труды о вас производил и произвожду, аще точию они могут нарециса трудами дельными, а не поделием. <...> И тако благодаря его, моего Создателя, что определена им жизнь моя посреде людей благо-разумных, ученых и благодарных. А посем предъявляю и вам всем должную мою благодарность за вси ваши мне произведенныя в витийственном красотословии и в златых написаних пребогатая почтительности».³⁰ В Андрее Борисове говорил писатель, польщенный литературными успехами своих учеников: «В конец же сего извещаю вам и о сем, что справедливо еще тяжких ми ваших похвал отревати не попускает врожденная почти сказать моя любовь к словесному любомудрию, которое весма желательно мне здесь распространить в жительствующих умах и устах, то сего-то ради много весма и претерпеваю разных противностей, происходящих от разных голов и умов».³¹ Заключает же свое «Возответствие» Андрей Борисов указанием на благотворность почитания наставников: «Когда же вы самом Богом уставленное в человецех чиноначалие тако предпочитаете и чествуете, убо и начальнии и подначальнии ваши самах вас равно толико же имут предпочитати и чествовати в славу и честь всепремудраго сего законоположителя».³²

Для Древней Руси почитание настоятелей монастырей и духовных наставников было глубоко традиционным; в Выговской пустыни эта традиция продолжала жить и, получив собственное содержание, стала одной из существенных сторон духовной жизни старообрядческой обители. Торжественно отмечая дни тезоименитства своих наставников, выговцы осознавали себя единой семьей и, восхваляя заслуги своего киновиарха, чувствовали и свою ответственность за сохранение древлего благочестия. За пышным витийством выговских поздравительных слов, вполне укладывающихся в рамки «помпезного и официального» стиля барокко,³³ все же можно увидеть искренние чувства почтения и любви к своим пастырям и учителям. Особенно это ощущается в поздних сочинениях, где выражения этикетного характера все чаще уступают место высказываниям простодушным и бесхитростным и где приветствующие все чаще, обращаясь к имениннику, говорят о себе — «дети твои».

²⁸ РГБ, собр Барсова, № 434 7, л 1

²⁹ Там же, л 1 об

³⁰ Там же, л 2 Упоминание Андрея Борисова о «сняющем злате» похвал и «златых писаниях» подтверждает высказанное выше предположение, что поздравительные слова выполнялись в виде подносных листов, столь же богато орнаментированных, как и рукописные книги выговского скригтория

³¹ РГБ, собр Барсова, № 434 7, л 2

³² Там же, л 2 об

³³ Лихачев Д С Развитие русской литературы X—XVII веков Л, 1973 С 205